

Толстокорова А. О бедном мигранте замолвите слово...: Модернизация маскулинности в украинской трудовой миграции // Диаспоры. Независимый научный журнал, № 2, 2014. С. 178-197.

Резюме

Работа преследует цель проанализировать специфически мужской опыт миграции и транснационализма с точки зрения его гендерных особенностей и определить его влияние на процесс модернизации маскулинности украинских мигрантов-мужчин. В качестве аналитического инструмента для исследования динамики природы маскулинности используется понятие «патриархальных дивидендов» мужчин, которыми их наделяет патриархальное общество в виде таких привилегий, как права на достоинство, престиж, руководящие позиции и материальные преимущества. Статья основана на результатах многоэтапного полевого исследования, показавшего, что миграция и транснационализм оказывают существенное влияние на гендерные роли, практики и этику украинских мигрантов-мужчин.

Ключевые слова: Украинская трудовая миграция, мужской опыт миграции и транснационализма, патриархальные дивиденды, модернизация маскулинности, репрессированная маскулинность

A Poor Dear Migrant Man Should Also be Mentioned: Modernization of masculinity in Ukrainian labour migration

Abstract

The main goal of the paper is to analyze male experience of labour migration and transnationalism in terms of its gender specificities and to identify its effect on the process of modernization of masculinity of Ukrainian migrants males. The key analytical instrument used to study the dynamics of the nature of masculinity is the concept of “patriarchal dividends” which men gain from patriarchy in terms of honour, prestige, the right to command and material gains. The paper draws from the findings of a multi-cited field research. The results of the analysis showed that migrancy and transnationalism make an impact on gender roles, practices and ethics of Ukrainian migrant males.

Key words: Ukrainian labour migration, male experience of labour migration and transnationalism, patriarchal dividends, modernization of masculinity, repressed masculinity.

Введение

Среди исследователей гендерных аспектов миграции существует убеждение, что за редким исключением женщины-мигрантки остаются за рамками научной рефлексии миграциологов, поскольку большинство публикаций на эту тему являются гендерно

нечувствительными и имплицитно сфокусированы исключительно на мужской миграцииⁱ. Однако, это утверждение вызывает ряд возражений. Во-первых, отсутствие гендерной чувствительности предполагает игнорирование специфики миграционного опыта представителей обоих полов, а не только женщин. Сугубо мужские проблемы в большинстве работ практически не высвечиваются именно в силу гендерно-слепого подхода к изучению миграционного процесса. Во-вторых, по мере формирования исследовательского поля гендерных аспектов миграции становится очевидным, что в рамках этого дисциплинарного направления внимание акцентируется преимущественно на опыте женщин-мигранток в силу предположения об их большей уязвимости к миграционным рискам по сравнению с мужчинами, находящимся в «привелигированном» положенииⁱⁱ. Помимо того, что такой подход предрасположен к виктимизации женщин как самостоятельного актора миграционного процесса, он также игнорирует уязвимые аспекты «мигрантскости» и транснационализма «другой половины гендера»ⁱⁱⁱ — мужчин. В частности, упускаются из виду такие моменты, как сверхэксплуатация, нечеловеческие условия труда и быта, высокий уровень и «открытый характер» бездомности мужчин-трансмигрантов^{iv}, создающие риски для здоровья; неопределенный семейный статус и отсутствие возможностей для активного отцовства и супружества; неупорядоченные половые связи из-за удаленности от семьи; уязвимость к траффикингу^v; давление мужской субкультуры в мигрантских анклавах и гендерный эффект «трансгрессии норм гегемонной маскулинности»^{vi} для «я-концепции» мужчин (например, необходимость выполнять традиционно женские виды работ с целью заработка) и т.д. Кроме того, в средствах массовой информации миграция представляется преимущественно как «сугубо мужское дело»^{vii}, ассоциирующееся как с позитивными, так и с негативными аспектами маскулинности: склонностью к риску, преодолению опасностей и проявлениям мужественности наряду с грубостью, криминальностью, вирильностью, насилием и т.д. Тем самым в общественном сознании создается искаженное представление о трудовой миграции как о «спектакле маскулинности»^{viii}.

Таким образом, возникает необходимость изучения такой **актуальной научной проблемы**, как специфически мужской опыт миграции и транснационализма с позиций его гендерных особенностей и с точки зрения влияния трансформаций природы маскулинности на социальные изменения в украинском обществе. Данная работа направлена на исследование указанной проблемы посредством акцентуации мужской субъективности с помощью качественных методов анализа.

Гипотезой исследования является предположение, что миграционный опыт вызывает изменения в восприятии украинскими мигрантами сущности маскулинности

предопределяя ее модернизацию в направлении гендерной эгалитарности. При этом работа исходит из представления, что процесс модернизации в области гендерных отношений подразумевает равное участие мужчин и женщин во всех сферах жизни, в том числе в сфере семьи и социальной репродукции. Другой исходной посылкой исследования является утверждение, что «мигрантскость» меняет течение повседневности ее участников, находя выражение в том, как передвигающиеся люди начинают осмысливать окружающий их мир, какие стратегии поведения в нем они принимают, задумывают и осуществляют, что происходит с восприятием маскулинности и женственности, символическими и материальными атрибутами и т.д.^{ix}. Также принимается во внимание утверждение, что наиболее изменчивым, проблематичным и универсальным аспектом маскулинности является отцовство, соотносимое как с социальным институтом отцовства (fatherhood), так и с конкретными отцовскими практиками (fathering) и мужской идентичностью, включая образ Я^x.

Основным **аналитическим инструментом** для исследования динамики маскулинности в условиях мигрантскости и транснационализма является концепт «патриархальных дивидендов» (ПД) мужчин^{xi} в виде их прав на достоинство, престиж, руководящие позиции и материальные преимущества. Предполагается, что в традиционном обществе мужчины имеют эти привилегии по праву рождения^{xii}. В данном исследовании мы преследовали цель проследить манифестацию ПД (в виде их качественной трансформации, нивелирования или интенсификации) как в условиях иноэтнического и инокультурного контекста, так и в транснациональном семейном пространстве украинских мигрантов.

Методология исследования. Данная работа является одним из этапов комплексного транс-дисциплинарного проекта, направленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции, именуемой в украинском языке емким понятием «заробитчанство», обозначающим образ жизни, связанный с чужеземными поденными заработками. Изначально проект не преследовал цели исследования специфического мужского опыта миграции^{xiii}. Актуальность этой темы была подсказана результатами интервьюирования, показавшими, что опыт мигрантов-мужчин существенно отличается от опыта женщин, и что в процессе миграции представители мужского пола сталкиваются со специфическими проблемами и вызовами, требующими специального изучения. Это побудило уделить более пристальное внимание рассмотрению данной проблемы и послужило импульсом к выделению мигрантов-мужчин в качестве самостоятельной целевой группы исследования.

Полевое исследование для данного проекта включало несколько этапов. *Включенное и невключенное* наблюдение проводилось на протяжении 2003-2013 гг. на основе общения с представителями мигрантских сетей и общественных организаций мигрантов в странах Евросоюза. *Глубинные интервью и дискуссия в фокус группе* с 25 украинскими экспертами были организованы летом 2008 года. На этом этапе были опрошены специалисты по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и независимых аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т.д. *Полуформализованные интервью* и два *обсуждения в фокус группах* с мигрантами и членами их семей, охватившие 29 женщин и 12 мужчин разных возрастных групп, были проведены на протяжении 2008-2013 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, а также в Киеве и во Львове. 13 интервью были собраны в странах назначения (Италии, Австрии, Германии и Франции). Методологическая стратегия исследования предполагала охват респондентов, имевших опыт работы за границей в прошлом, нынешних «заробитчан» (трудовых мигрантов), как пребывавших на момент опроса за рубежом, так и приехавших из-за границы навестить родных, а также циркулярных мигрантов, работавших дома перед очередной поездкой на заработки за рубеж. Ряд интервью проводился в телефонном, посредством интернет-программы skype и электронной почты. Материалы полевого исследования дополнялись обзором материалов прессы и анализом вторичных теоретических источников.

Где родился, там не пригодился: гендерная составляющая миграционного «антропотока» из Украины

Возобновление права населения на свободу передвижения, ставшее возможным в результате распада СССР, было охарактеризовано одной из информанток проекта в такой форме:

«Когда предприятия закрылись, границы открылись, и нам ничего не осталось, как уезжать» (Ирина, циркулярная мигрантка на работу в странах Евросоюза).

Первыми этим правом воспользовались мужчины. В 1990-е годы, когда строительная промышленность была основной сферой трудоустройства для украинцев за рубежом, миграционный «антропоток» состоял преимущественно из мужчин^{xiv}. Немногочисленные женщины самостоятельной роли в нем не играли, выступая преимущественно в качестве сопровождающих для мужей, отцов или других родственников мужского пола. Хотя в начале 2000-х гг. начинается поток независимой женской миграции и постепенная феминизация мобильной трудовой силы, статистика последних лет свидетельствует, что

мужчины все еще преобладают как среди тех, кто имеет опыт зарубежных заработков, так и среди тех, кто только планирует совершить первый выезд на работу за границу.

Социологические опросы показывают, что в принятии миграционных решений основную роль для представителей обоих полов играют экономические факторы, прежде всего желание улучшить свое материальное положение. Тем не менее, в спектре побудительных мотивов выезда на работу за рубеж отмечаются существенные гендерные различия. Они проявляются прежде всего в вопросах, связанных с ведением бизнеса, финансовыми интересами и досугом. Так, намерение начать свое собственное дело, материально обеспечить семью, решить жилищные проблемы, найти трудоустройство за рубежом являются существенно более значимыми для мужчин, нежели для женщин^{xv}. Это является подтверждением того, что в соответствии с традиционным гендерным контрактом мужчины несут большую ответственность за благосостояние и экономическую безопасность семьи и поэтому проявляют большую готовность к рискам зарубежного трудоустройства. Видимо, поэтому и возможность поиска приключений для них вдвое более значима, чем для женщин: 15% против 8% соответственно^{xvi}. Интересно, что социологические опросы не всегда подтверждают общепринятое мнение, что для женщин чаще, чем для мужчин, миграция является возможностью избежать проблем в супружеских отношениях и домашнего насилия, обрести личную свободу и получить больше возможностей контролировать собственную жизнь. В исследовании 2003 г. такие намерения подтвердили и мужчины в возрастной группе 29-35 лет^{xvii}. Хотя их количество было невелико (0,6%), считаем, что этот факт важен сам по себе. Кроме того, указанное исследование не подтвердило утверждение UN-INSTRAW^{xviii} о том, что среди независимо путешествующих женщин среднего возраста велика доля тех, кто ищет возможности для интимных взаимоотношений или пытается избежать принуждения семьи к замужеству. Во-первых, в данном социологическом опросе всего 5% женщин указали на желание создать семью за рубежом как мотивацию выезда. Во-вторых, их количество лишь незначительно превышает количество мужчин, выразивших подобные намерения (3%). Это может служить свидетельством изменяющейся природы маскулинности в Украине в соответствии с глобальной тенденцией изменения социального статуса мужчин^{xix}.

Мачо тоже плачут: динамика модернизации маскулинности украинских мигрантов-мужчин

Исследования показывают, что мигрантскость и транснационализм могут оказывать влияние на гендерные роли и поведенческие стереотипы мужчин, работающих за рубежом^{xx}. Это может вызывать разные последствия с точки зрения их маскулинного статуса.

Во-первых, миграционность может обеспечивать специфически мужские «дивиденды гендерного равенства»^{xxi}, поскольку мигранты видят более уважительное отношение к женщине в принимающих странах и транспонируют этот опыт на собственное приватное пространство, стараясь соответствовать гендерным нормам принимающего сообщества:

«Я вижу, что здесь отношение к женщине другое, ее ценят больше. Вот и я этому учусь, учусь уважать в своей жене женщину» (Роман, владелец кондитерской в Риме).

Во-вторых, отмечается «гендерный парадокс»: хотя материально-финансовое обеспечение семьи посредством миграции воспринимается как часть образа жизни мужчин, сфера мужской занятости, «мужская работа», мигрантскость нередко приводит к переключению привычных поведенческих кодов относительно понятий «женская» и «мужская» работа на новые, диктуемые условиями миграционного трудоустройства^{xxii}. Так, по отношению к дагестанским сельчанам-мигрантам Ю. Карпов и Е. Капустина отмечают: «Работа в огородах – «копаться в земле» – издавна считалась в горном Дагестане женским делом. И сейчас мужчина, выполняющий какие-либо «женские» работы, подвергается насмешкам и осуждается общественным мнением. Однако на промысле отношение к этому меняется. <...> В итоге, под воздействием экономической необходимости, а главным образом из-за выпадения из сельской системы, принцип «мужских» и «женских» работ на месте промысла размывается»^{xxiii}. В странах приёма заниматься такими видами деятельности, которые дома обычно считаются «женской работой», могут и таджикские мигранты-мужчины. Например, они работают в России доярами или ухаживают за скотом на фермах, тогда как в Таджикистане эта работа считается «женским» занятием. Мужчины объясняют это тем, что ощущают себя вне своего социума, и следовательно — вне социального контроля, а кроме того, они занялись «недопустимой для мужчин работой» из-за экстраординарных обстоятельств — угрозы голода для семьи, заставивших их уехать на работу за границу, и эта экстраординарность предполагает упразднение многих привычных норм^{xxiv}. Таким образом, миграция может способствовать модернизации мужской идентичности в направлении формирования «альтернативной маскулинности»^{xxv}, противостоящей «гегемонной» и включающей элементы женских ролевых моделей.

Проведенные интервью свидетельствуют о том, что украинские мужчины, находясь за рубежом, также иногда соглашались выполнять работы, традиционно считающиеся «женскими». В частности, они могут заниматься домашним обслуживающим трудом и оказывать услуги «заботы и ухода», что согласуется как с европейской тенденцией к «ремаскулинизации» домашнего сервиса^{xxvi}. Однако, выполняя гендерно-

неконвенциональные работы, мужчины сталкиваются с «диссонансом идентичности»^{xxvii}, в результате чего их работа в этой сфере имеет преимущественно временный характер и принимает форму дополнительного заработка в условиях миграции, т.е. за пределами привычного габитуса, диктующего конвенциональные гендерные предпочтения в выборе видов трудовой деятельности. Кроме того, представители мужского пола занимают особую нишу на данном рынке труда, выполняя нестандартные виды работ, редко попадающие в поле зрения исследователей. Например, наши информанты оказывали услуги ухода в частной сфере, ухаживая за домашними животными и растениями (в качестве собаководов, садовников и т.д.), автомобилями и жилыми помещениями (выполняя мелкий технический ремонт), занимались уборкой подсобных территорий, работой на приусадебном участке, уходом за телом (в качестве массажистов и парикмахеров) и т.д. Они оказывали услуги ухода и в публичной сфере, присматривая за могилами на кладбищах, занимаясь уборкой гостиниц и железнодорожных вагонов, мытьем посуды в ресторанах и кафе. В силу специфичности и закрытости данного сектора рынка труда, он оказывается «невидимым» в исследованиях миграции, что приводит к маргинализации проблем мужчин в данной сфере деятельности как объекте изучения. Это подтверждает мнение о необходимости расширения понятия социальной репродукции и необходимости переосмысления понятия обслуживающего сервиса, включая в него специфически мужской сектор рынка труда^{xxviii}. При этом следует иметь в виду, что возвращаясь домой, мужчины редко инвестируют этот культурный капитал в повседневные практики, т.к. он противоречит традиционным представлениям о «нормативах мужественности»^{xxix} в украинском менталитете. По крайней мере он вряд ли выносится за пределы частной сферы и редко артикулируется. Поэтому хотя этот опыт можно считать разновидностью «гендерных дивидендов» мигрантов-мужчин, он не оказывает существенного эффекта на трансформацию маскулинности украинцев.

Следует отметить, что данное исследование предоставило немало примеров негативного «гендерного сальдо» миграции и транснационализма для мужчин, подтверждая тезис, что миграционный статус может служить «дисциплинарным кнутом»^{xxx}, принуждающим мужчин к низкой оплате, нелимитированному рабочему дню и небезопасному трудоустройству, препятствующим исполнению семейных функций. В первую очередь это сказывается на состоянии здоровья гостевых работников. Так, информант Артем, отправившийся с группой земляков на заработки в Португалию в начале 1990-х, рассказал о горьком опыте адаптации к миграционному образу жизни. На поездку в страну назначения требовалось несколько суток и рекрутер предупредил гастарбайтеров, что им следует основательно запастись провизией и иметь не менее \$400,

необходимых для мелких расходов на дорогу и оплаты жилья по прибытию. Чтобы собрать эту сумму семье пришлось распродать ценные вещи. Ночью в пути микроавтобус потерпел аварию, повредив шины о металлические «ежи», разложенные на асфальте. Как только автомобиль остановился, он был кружен группой вооруженных мужчин в масках, потребовавших, чтобы все пассажиры вышли из машины. Салон автомобиля и людей тщательно обыскали, раздев их донага в лютый февральский мороз. Весь найденный багаж был конфискован, включая деньги, теплую одежду и даже провизию. Остальную часть пути путешественникам пришлось коротать на голодный желудок, т.к. средств для приобретения еды ни у кого не было. По прибытию в место назначения ситуация оказалась еще более драматичной. Помимо денег на питание, новичкам требовались деньги на оплату ночлега. Даже за ночевку на полу барака, в антисанитарных условиях, вместе с 20 другими заробитчанами было необходимо платить наперед, а платить было нечем. Пришлось просить работодателя позволить ночевать в бараке в долг, чтобы отработать его в течение первого месяца, трудясь практически без оплаты:

«Спали на полу, покотом. Мало того, что жутко холодно, жрать постоянно хочется, голодные же, так самое неприятное – насекомые стали заводиться. Да, вошки появились. И через это пришлось пройти. Первую неделю, как иду на работу, там по пути возле каждого дома у них, ну такие, как мусорные контейнеры. Ну, что поделаться? Жить-то хочется, а в животе кишки марши играют. Здесь кусок хлеба нашел, кто-то выбросил. Там еще что-то. И ты знаешь, голодным не оставался. Иногда так наедался, прям по полной! Но объедки я не брал, нет! До этого не доходило.

В контексте зарубежного трудоустройства повышенная физическая нагрузка и сверхэксплуатация становятся неотъемлемыми условиями «маскулинного габитуса»^{xxxі}:

«Сестра мне пишет: «Ну как там, в Испании, понравилось? Где ты уже побывал, что видел?» А что я видел? Ничего я не видел и не мог видеть. Я света белого не видел, не то что какие-то там места интересные смотреть. В 4 утра подъем, перехватил что-то на завтрак на скорую руку – и в поле, а туда нужно еще дойти. На обед пол-часа и так до поздней ночи. А когда в барак возвращаешься - ноги отваливаются. Сил хватает только, чтобы до кровати добраться. Какие тут достопримечательности?! А они там дома думают, что мы тут по музеям да театрам ходим!» (Алексей, сезонный работник сельскохозяйственного сектора в Испании).

В последнее время украинские мигранты-мужчины все чаще становятся жертвами трудового рабства и траффикинга, причем ими могут стать даже зрелые и высокообразованные представители сильного пола, имеющие опыт работы за рубежом^{xxxіі}
В 2011 г. доля мужчин в общем количестве украинских граждан, ставших жертвами

торговли людьми, составила 43%^{xxxiii}. По данным Обмудсмана Украины, каждый пятый член экипажей морских судов, захваченных морскими пиратами, – украинец^{xxxiv}. Это существенно девальвирует ценность ПД и не может не сказываться на восприятии мужчинами своей мужской идентичности и дискредитации в их глазах собственных маскулинных качеств.

Сверхэксплуатация и неблагоприятные, иногда нечеловеческие, условия труда и быта оказывают негативное воздействие на «телесный капитал мужчин»^{xxxv}, являющийся непременным условием для зарубежного трудоустройства, конвертируемым в финансовый и другие виды капитала. Это подтверждали эксперты, указывавшие, что хотя большинство потенциальных мигрантов рассматривают крепкое здоровье как необходимую предпосылку получения работы за рубежом, имеются множество свидетельств приобретения ими серьезных проблем со здоровьем в процессе трудовой миграции. Так, по свидетельству врачей, мигранты-возвращенцы составляют 78% ВИЧ-позитивных мужчин, зарегистрированных в Закарпатской области^{xxxvi}. Информант Иван, профессиональный спортсмен, работающий в строительном секторе в Португалии, рассказал, что техническое оснащение на его предприятии не было рассчитано на габариты крупных мужчин и по причине неадекватного оборудования у работавших там украинцев развивались профессиональные болезни: смещение позвоночника, болезни спины и т.д.

Как следует из интервью, обратной стороной ПД является ответственность мужчин за финансовое и материальное обеспечение семьи и психологический прессинг традиционного имиджа «мужчины-добытчика», который любой ценой, даже ценой собственной жизни, должен добывать средства существования для семьи:

«Многие не доехали, а кто, знаешь, и умерли по приезду. Вот, еще перед отъездом, возле бусика, когда провожали нас, такая, знаешь, мощная такая дамочка, вся из себя, в дублинке, вся в золоте, а муж хиленький такой очкарик, стекла вот такие толстенные. И вот она его, несчастного такого, отправила туда. За длинным рублем отправила. Так умер вскоре по приезду, ну где-то в первые же недели. Не выдержал. <...> Еще парень один молодой был, «афганец», знаешь, крепкий такой был. Сбила машина — ехал на велосипеде на работу раненько утречком. И все... (Валентин, рабочий строительного сектора Португалии).

Исследователи отмечают, что хотя эмоциональные переживания мужчин-мигрантов редко предаются огласке, они, безусловно, также страдают, а их стратегии эмоциональной защиты могут иметь даже более само-деструктивный эффект, чем у транснациональных матерей^{xxxvii}. Однако, в силу распространенного в обществе гендерного стереотипа,

предполагающего, что мужчина должен быть сильным, заботиться о семье и по умолчанию просто не может быть пострадавшим, мужчины не хотят признавать себя таковыми и остаются один на один с проблемами, которые проявляются в депрессиях, конфликтах, зависимостях и т.п.^{xxxviii}. Чаще всего эмоциональное напряжение, одиночество, психологические комплексы мужчин-мигрантов из-за несоответствия принятым нормам маскулинности получают выход в злоупотреблении алкоголем и неупорядоченных половых связях^{xxxix}.

Одна из информанток проекта рассказала историю своего гражданского мужа, с которым она познакомилась в Италии. Молодой, здоровый мужчина с высшим образованием, занимавший дома высокую должность госслужащего, оказавшись за рубежом один, без семьи и привычного окружения фактически влачил существование спивающегося бродяги, проживающего в бараке и зарабатывающего на жизнь низкостатусной грязной работой. Информанты указывали на то, что к злоупотреблению спиртными напитками мигранты прибегают как к средству борьбы со стрессами и одиночеством. Проведенное чешскими специалистами социологическое исследование состояния здоровья постсоветских мигрантов, в том числе украинцев, свидетельствует о том, что в сравнении с местным населением мигранты намного чаще курят и употребляют алкоголь^{xl}. Украинский психиатр прокомментировал это так:

«Семейные проблемы появились абсолютно у всех заробитчан, которые ко мне обращались. А страдают больше, как не удивительно, мужчины, причем те, кто уехал. Доходит вплоть до психозов и депрессий. У женщин все проявляется более завуалировано. К тому же переживания однозначно сильнее у тех, кто дольше прожил в браке»^{xli}.

Таким образом, в условиях мигрантскости наблюдается возможность «обратной конвертации» или даже нивелирования ПД, поскольку предоставляемые ими права на достоинство, престиж, руководящие позиции и материальные преимущества налагают соответствующие обязательства перед семьей, детьми, обществом, что может требовать строгого ранжирования жизненных приоритетов, ограничения экзистенциальных потребностей, как например, в случае Дениса:

«Я там <в Москве> познакомился с девушкой... москвичка. Нашли общий язык, стали жить вместе, как муж и жена. Уже решили пожениться, все прекрасно. Но надо было у жены <взять> согласие на развод. Так не дала! Отказалась. Не захотела, чтобы я снова женился. Хотя мы с ней уже много лет не живем, у нее другой мужчина. Ей же главное — алименты. В общем, москвичка из меня не вышло.... А все уже было на мази.

Вот так вот. Пришлось возвращаться назад, домой.» (Денис, психолог, преподаватель вуза, ездил на заработки разнорабочим в Москву).

Необходимость расставания с детьми в транснациональном родительстве также может тяжело сказываться на отцовских чувствах мужчин:

«Для меня что было важно: дать образование детям и справиться со своим «эго». <...>. Расставаться с детьми было тяжело, очень тяжело. Ну а что? Разве я не понимаю? Дети должны быть с мамой, им мама нужна. Папа тоже нужен, но мама — это главное. Дети есть дети. Я отец и должен смириться.» (Денис, психолог, преподаватель вуза, ездил на заработки разнорабочим в Москву).

Это согласуется с наблюдением, что поддержание интимных отношений с оставшейся дома семьей является для мужчин-мигрантов даже большим вызовом, чем для женщин, поскольку им сложнее адаптировать свою отцовскую роль к условиям дистантного родительства^{xiii}.

В интервью мужчин неоднократно звучала тема ответственного отцовства как побудительного мотива миграции. Для Олега именно это стало причиной скитаний по Европе с целью найти трудоустройство, чтобы обеспечить достойное детство для маленькой дочери:

«Почему уехал, что побудило? А что может побудить, когда денег ни шиша, даже чтобы ребенку конфету купить? Вот это и побудило. Ну в общем, пошел я с дочкой прогуляться по Днепровскому <проспекту>. Как раз выходной был. Ну, идем, а там лоток стоит – эти, бананасы. Там же как написано? По-ихнему: ba-na-nas. Это ж тогда еще, бананасы – ты что! Невидаль такая! Ну, доча мне, само собой: «Папа купи бананчик». Обана! А у папы денег только на автобус, домой добраться. Стыдобина! У меня, взрослого мужика, я слесарь 6 разряда, а денег нет ребенку банан купить! Я тогда, я себе сказал: все, пора с этим завязывать. Дальше так продолжаться не может. Я готов на все, но больше это не повторится, чего бы мне это не стоило.»

Тема заботы о детях неоднократно звучала в рассказах мужчин в качестве стимула, дающего силы для преодоления трудностей и превратностей миграционного цикла. Информант Сергей, одинокий отец 17-летней дочери, работавший в строительном секторе Москвы, рассказал, как в день выплаты зарплаты группа гастарбайтеров возвращалась в бараки и попала в облаву полиции, конфисковавшей у них весь заработок:

«Я ему говорю: брат, ну будь человеком, оставь хоть немного. Я же не о себе пекусь, у меня дома дочка, 17 лет, одна дома осталась. Ей же нужно на что-то жить, а как она без моих денег? А он: «А кто тебе сказал, что у меня дочери нет? Мне тоже дочку кормить надо. Короче, гони бабки!»

Следует отметить, что хотя многие мужчины рассказывали о необходимости противостоять многочисленным рискам, вызовам и депривациям в процессе миграции, они указывали, что этот опыт был важным для их самоидентификации. Так, вышеупомянутый информант Олег, который в поисках работы долго скитался по разным городам Западной и Южной Европы, рассказал, что во время странствий ему приходилось голодать, питаться объедками, ночевать на скамейке в парке, во дворе церкви и даже в камере каталажки. Однако, по его словам, невзгоды и превратности мигрантской жизни закалили его характер, позволили приобрести навыки выживания и преодоления трудностей, необходимые в борьбе «за место под солнцем». Это обеспечило успех в поиске трудоустройства. После нескольких месяцев скитаний по Европе он нашел высокооплачиваемую работу в Австралии, перевез туда семью и доволен своим положением. Благополучие ребенка прошло лейтмотивом через все его интервью, а особенной гордостью было то, что в результате своих скитаний по миру он смог обеспечить дочери возможность получить высшее образование в Сиднее и найти высокооплачиваемую работу квалифицированного специалиста. Это свидетельствует о том, что мигрантскость, несмотря на все ее риски, может способствовать усилению «аутентичной маскулинности» украинских мужчин и повышению их гендерной самооценки.

Заключение

Данное исследование показало, что участие в миграционном процессе имеет неоднозначный эффект с точки зрения проявления маскулинности украинских трансмигрантов и восприятия ими своей мужской идентичности, вызывая трансформации их ПД. С одной стороны, мигрантскость с такими ее имманентными свойствами, как рискованность, экстремальность, необходимость преодоления трудностей, нередко вынуждает мужчин самоутверждаться посредством проявления гипер-маскулинных качеств, тем самым способствуя упрочению «гегемонной маскулинности» в обществе. Она также может служить подтверждением наличия социально-экономических преимуществ ПД для мужчин. Это проявляется в том, что при более низком уровне образования по сравнению с женщинами-мигрантками (11,9 лет против 12,2 лет соответственно^{xliii}) и более низкой доле лиц с высшим образованием (20% против 11% соответственно^{xliv}), мужчины оказываются более социально защищенными, чем женщины. Так, согласно социологическим данным, чаще всего трудовые отношения не были официально оформлены среди тех, кто работал в сфере домашнего обслуживания, т.е. главным образом среди женщин. Всего 16% из них имели контракты с работодателем, в то время как среди работающих в торговле и строительстве, т.е. преимущественно мужских

сферах трудоустройства, таких было почти вдвое больше: 31,5 %, и 32,7 % соответственно^{xlv}. Видимо поэтому для того, чтобы заработать достаточную сумму, позволяющую возвратиться домой и жить на заработанные деньги, женщинам приходится оставаться за рубежом дольше, чем мужчинам: средняя продолжительность трудоустройства за рубежом среди молодых женщин по сравнению с мужчинами составила 6,7 против 5,5 месяцев соответственно^{xlvi}. Возможно, это одна из причин того, что мужчины, по крайней мере молодые, оценивают свои поездки на работу за рубеж более оптимистично, чем женщины: полное или частичное удовлетворение полученным миграционным опытом высказывали 69,1% мужчин против 58,6% женщин^{xlvii}.

В то же время, побочным эффектом ПД мужчин является «смертельная ноша маскулинности»^{xlviii}, заключающаяся в том, что именно традиционная мужская роль является причиной повышенной мужской смертности и проблем со здоровьем. Мигранты, вынужденные преодолевать экстремальные жизненные ситуации, зачастую испытывают психологический прессинг традиционного гендерного имиджа «сильного мужчины», ответственного за благосостояние близких и родных. Это сказывается на их физическом и эмоциональном здоровье и продолжительности жизни, подтверждая тезис о кризисном состоянии мужского здоровья в Украине в целом^{xlix}. В свою очередь, необходимость обеспечивать благополучие семьи в условиях географической удаленности от нее ведет к ослаблению связи с детьми и отцовского авторитета и, соответственно, к девальвации родительской функции мужчин и снижению ценности их «отцовских дивидендов»¹

Таким образом, опыт экономической мобильности и транснационализма может иметь негативное гендерное сальдо для мигрантов, оказывая дискредитирующее воздействие на восприятие ими своей мужской идентичности и вызывая эффект «репрессированной маскулинности», нивелирующий их ПД. Эта тенденция усугубляется тем, что общее состояние мужчин как гендерной группы в Украине оценивается специалистами как катастрофическое, о чем свидетельствуют материалы парламентских слушаний по данному вопросу¹.

Возможно, в качестве защитной реакции на этот процесс в массовом сознании украинцев наблюдается трансформация образа рядового мужчины в сторону его гипермаскулинизации, когда на смену украинцу-неудачнику приходит отважный воин. Об этом свидетельствует анализ новинок отечественной киноиндустрии и литературы, демонстрирующий, что в последние годы наметилась тенденция к формированию нового собирательного образа украинского национального героя. Он характеризуется традиционными, иногда по-сказочному гиперболизированными мужскими чертами: физической силой и силой воли, бесстрашием и храбростью, умом и находчивостью,

принципиальностью и патриотизмом. По мнению экспертов эта тенденция является своеобразной реакцией общества на глобализацию, попыткой самоидентификации мужчин в новых социальных условиях^{lii}. Она также свидетельствует о том, что процесс модернизации маскулинности в Украине направлен сегодня в русло ее «супергероизации». В этом контексте неудивительно, что события на киевском «Евромайдане» конца 2013 г. – начала 2014 г. стали апогеем маскулинности «сердитых украинцев»^{liii} по обе стороны баррикад, лозунгом которых стал призыв: «Настоящий мужчина должен быть здесь!»^{liv}. В ряде журналистских репортажей с места событий прозвучало интервью с мигрантом из Западной Украины, более 18 лет работающим в Польше. Узнав о событиях в Киеве, он оставил работу и приехал в украинскую столицу, чтобы лично участвовать в массовых волнениях.

Между тем, результаты данного исследования показали, что трудовая миграция может способствовать модернизации природы маскулинности в направлении приобретения украинскими мужчинами «дивидендов гендерного равенства» в результате освоения ими в принимающих западноевропейских обществах принципов гендерной эгалитарности. Это дает основания надеяться, что такой опыт повлияет на повышение уровня гендерной этики не только среди мужчин-мигрантов, но и в обществе в целом и может стать важной предпосылкой для формирования более развитой гендерной культуры, которая объединит мужчин и женщин на принципах гендерной паритетности, ответственности и уважения к правам друг друга.

Авторская справка:

Толстокорова Алиса Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, независимый научный эксперт, Киев, Украина. Автор более 190 публикаций на 9 языках. Член 15 профессиональных объединений и сетей. Научные интересы включают вопросы гендерных аспектов украинской миграции, независимой женской миграции, украинских транснациональных семей, миграции заботы и ухода и экономики заботы и ухода.

Information about the author:

Alissa V. Tolstokorova, PhD, Associate Professor, independent research expert. Author of over 190 publications in 9 languages. Member of 15 professional associations and networks. Research interests include issues of gender aspects of Ukrainian labour migration, independent female migration, Ukrainian transnational families, care migration and care economy, etc.

ⁱ Бредникова О., Ткач, О. Дом для номады // Лабораториум, № 3, 2010. С. 74.

ⁱⁱ Lewis Ch. The invisible migrant man: questioning gender privileges // Open Democracy, 09.05.2012. <<http://www.opendemocracy.net/5050/chlo%C3%A9-lewis/invisible-migrant-man-questioning-gender-privileges>> (accessed 02.04.2013); Asis M.B. From the life stories of

Filipino women: personal and family agendas in migration // Asian and Pacific Migration Journal, 2002, vol. 11, № 1.

ⁱⁱⁱ Bennon I., Correia M. The Other Half of Gender: Men's issues in development. Washington DC: The World Bank, 2006.

^{iv} Fichnter J. Male Homelessness as an Apparent Matter of Course // Homelessness in Europe. Gender Perspectives on Homelessness. Spring issue, 2010.

^v IOM. Trafficking of men – a trend less considered. The case of Belarus and Ukraine. IOM migration research series, No 36. Geneva: International Organization for Migration, 2008.

^{vi} Connell R.W. Masculinities. Cambridge, Polity Press; Sydney, Allen & Unwin; Berkeley, University of California Press, 1995.

^{vii} UNIFEM. A Needs Assessment of Women Migrant Workers. Central Asia and Russia. Bratislava: UNIFEM, 2009. P. 5.

^{viii} Гладарев Б. В поисках «мужских» пространств: рыбалка // Мужской сборник, вып. 3, «Мужчина в экстремальной ситуации». М.: Индрик, 2007.

^{ix} Абашин С. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение, № 4, 2012.

^x Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности. Материал к размышлению // Демоскоп Weekly, № 237-238. 6-19 марта, 2006. <<http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php>> (Дата доступа 09.01.2014).

^{xi} Greig A., Kimmel M., Lang J. Men, Masculinities & Development: Broadening our work towards gender equality // Gender in Development Monograph Series, № 10, 2000. P. 7.

^{xii} Connell R.W. Masculinities.... P. 82.

^{xiii} Подробнее о результатах данного проекта см. Толстокорова А.В. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры, № 1, 2012.

Толстокорова А.В. Унесенные ветром. Постсоветское поколение украинских женщин-мигранток // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, № 2, 2013.

<journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/05/tolstokorova.pdf>; Толстокорова А.В.

Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // Социологическое обозрение, т. 12, № 2, 2013; Толстокорова А. В.

Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // Журнал социологии и социальной антропологии, том XVI, № 4 (69), 2013.

^{xiv} GFK Ukraine. The Contribution of Human Resources Development to Migration policy in Ukraine. (Draft). Kyiv, 2008. P. 9.

-
- ^{xv} Майданік І.П. Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М. В. Птухи НАН України, 2010.
- ^{xvi} Соціальний аналіз основних чинників торгівлі людьми. Алексеева А., Галустьян Ю, Толстокорова А. та ін. Київ: Державний комітет України у справах сім'ї та молоді, Державний інститут сім'ї та молоді, 2003. С. 42.
- ^{xvii} Соціальний аналіз... С. 42.
- ^{xviii} UN-INSTRAW. Feminization of Migration. Working Paper 1. Santo Domingo, 2007.
- ^{xix} Garcia G. The Decline of Men: How the American Male is Tuning Out, Giving Up, and Flipping Off His Future. New York: Harper Collins, 2008.
- ^{xx} См. Quartararo C., Falcinelli D. Not only men but also migrants in non-traditional occupations // *International Review of Sociology/ Revue Internationale de Sociologie*, vol. 23, issue 2. Themed Section: Men who work in 'non-traditional' occupations, 2013.
- ^{xxi} См. подробнее: Толстокорова А.В. «Лучи света в темном царстве»: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // *Этнографическое обозрение*, № 5, 2013.
- ^{xxii} Олимова С. Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // *Диаспоры. Независимый научный журнал*, № 2, 2012.
- ^{xxiii} Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. С. 209.
- ^{xxiv} Олимова С. Таджикистан: роль и статус женщин... С. 91.
- ^{xxv} Buschmeyer A. The construction of "alternative masculinity" among men in the childcare profession // *International Review of Sociology /Revue Internationale de Sociologie*, vol. 3, issue 2. Themed Section: Men who work in 'non-traditional' occupations, 2013.
- ^{xxvi} Sarti R. The Globalization of Domestic Service: An Historical Perspective // *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme / Ed. H. Lutz. Ashgate Publishing Co, 2008. P. 90.*
- ^{xxvii} Nentwich J., Poppen W., Schälin S., Vog F. The same and the other: male childcare workers managing identity dissonance // *International Review of Sociology /Revue Internationale de Sociologie*, vol. 23, issue 2. Themed Section: Men who work in 'non-traditional' occupations, 2013.
- ^{xxviii} Kilkey M. Men and Domestic Labor: A Missing Link in the Global Care Chain // *Men and Masculinities*, vol. 13, No. 4, 2010.
- ^{xxix} Ильиных С.А. Множественная маскулинность // *Социологические исследования*, № 7, 2011. С. 106.

-
- ^{xxx} Kilkey M., Perrons D., Plomien A. *Gender, Migration and Domestic Work: Masculinities, Male Labour and Fathering in the USA*. Palgrave Macmillan, 2013. P. vi.
- ^{xxxi} Meuser M. *Geschlecht und Maennlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster*. Opladen, 1998. Цит. по: Мещеркина Е. Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования, № 11, 2002. С. 17.
- ^{xxxii} IOM. *Trafficking of men...*
- ^{xxxiii} Krcmar R. *Targeting Needs of Male Victims of Human Trafficking in Ukraine* // IOM Gender and Migration News, № 38. Geneva: International Organization for Migration. 2012.
- ^{xxxiv} Шевчук М. Карпачова: Моряки – одна з найбільш незахищених груп трудових мігрантів // ForUm, 20.04.2012 <<http://for-ua.com/article/514529>>. (Дата доступу 25.04.2012).
- ^{xxxv} Ваньке А.В. Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий. Автореф. дис. ...канд. соц. наук, М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 9.
- ^{xxxvi} Трудова міграція: соціальні наслідки та шляхи реагування. Київ: Національний інститут стратегічних досліджень, 2011. С. 13.
- ^{xxxvii} Carlin J., Menjivar M., Schmalzbauer L. *Central Themes in the Study of Transnational Parenthood* // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2012, vol. 38, № 2. P. 195.
- ^{xxxviii} Климчук Г.И. Трудовое рабство – перспективы украинских трудовых мигрантов-нелегалов // Сборник эссе о миграции «Миграционные проблемы в странах Западной Европы, Российской Федерации и других республиках СНГ». Фонд «АВО Хайматгартен», Одесса: ТОВ «Элтон», 2011. С. 22; IOM. *Trafficking of men...* P. 11.
- ^{xxxix} Pribilsky J. «Aprendemos a convivir» conjugal relations, co-parenting, and family life among Ecuadorian transnational migrants in New York City and the Ecuadorian Andes // *Global Networks*, vol. 4, № 3, 2004; Schmalzbauer L. *Striving and Surviving: A Daily Life Analysis of Honduran Transnational Families*. New York: Routledge, 2005; Worby P.A., Organista K.C. *Alcohol use and problem drinking among Mexican and Central American im/migrant laborers: a review of the literature* // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, 2007, vol. 29, № 4.
- ^{xl} Dobiasova K., Hnilicova H. *Migrants from the former Soviet Union health and healthcare in the Czech Republic. Migratory processes in Europe: Evolution of the migratory interactions of the EU and Central and Eastern European countries*. Odessa: Ministry of Transport and Communications of Ukraine, 2010. P. 56-57.
- ^{xli} Мичко С. У стані тимчасової смерті: шукаючи фінансового порятунку для своїх сімей на закордонних заробітках, українці здебільшого прирікають їх на знищення // Україна

молода, № 88, 26.05.2011. <<http://www.umoloda.kiev.ua/number/1886/188/67050/>> (Дата доступа 18.04.2012).

^{xlii} Parreñas R. S. Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, issue 7, 2008.

^{xliii} Майданік І.П. Українська молодь на ринках праці... С. 58.

^{xliv} Трудова міграція... С. 7,

^{xlv} Трудова міграція... С. 7.

^{xlvi} Майданік І.П. Українська молодь на ринках праці... С. 68.

^{xlvii} Майданік І.П. Українська молодь на ринках праці... С. 95-96.

^{xlviii} Тартаковская И. Смертельная ноша маскулинности // *Демоскоп Weekly*, № 425-426, 2010. <<http://demoscope.ru/weekly/2010/0425/analit02.php>>. (Дата доступа 19.01.2014).

^{xlix} World Bank. Ukraine: Gender Overview / Eds. N. Dudwick, R. Srinivasan R, J. Braithwaite. ECSSD, 2002.

¹ «Отцовские дивиденды» определяются нами как социальные преимущества, повышение социального статуса и улучшение эмоционального благополучия мужчин благодаря их отцовскому статусу на фоне минимального вклада в процесс воспитания детей, традиционный для патриархального общества (см. подробнее: Толстокорова А. «Папы всякие нужны»: трансформации института отцовства в украинской транснациональной семье // *Журнал социологии и социальной антропологии*, том XVII, № 3 (74), 2014.

ⁱⁱ Бондаренко Е. Мужчины в Украине – безработные и униженные – правозащитник // *Gazeta.ua*. 10.04.2012. <http://gazeta.ua/ru/articles/life/_muzhchiny-v-ukraine-bezrobotnye-i-unizhennye-pravozaschitnik/430956>. (Дата доступа 20.04.2012).

ⁱⁱⁱ См. Москаленко О. На смену образу украинца-неудачника приходит отважный воин // *Комментарии*. 09.12.2012. <<http://comments.ua/life/364410-natsionalnih-supergeroev.html>> (Дата доступа 20.12.2012).

ⁱⁱⁱⁱ Браткова А. Протестующие с Грушевского стали героями игры Angry Ukrainians // *Вести «Репортер»*. 28.01.2014. <<http://vesti.ua/nauka-i-tehnologii/34816-protestujuwie-s-grushevskogo-stali-gerojami-igry-angry-ukrainians>>

^{lv} По данным социологических опросов, мужчины составляли 88% участников «Майдана», женщины – 12%. См.: Майдан-декабрь и майдан-февраль: что изменилось? Пресс-релиз. 06.02.2014. <<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=1>> (Дата доступа 10.02.2014).